

УДК 82-1

ПРОБЛЕМА РУССКОГО ХАРАКТЕРА В ТВОРЧЕСТВЕ М.Ю. ЛЕРМОНТОВА

ГОРЛАНОВ Геннадий Елизарович,
доктор филологических наук, профессор,
Пензенский государственный университет

АННОТАЦИЯ. В статье рассматривается проблема патриотизма как составляющая характера русского национального архетипа. Как ценностные доминанты русского мира исследуются мотивы свободы, единения, самоотречения, твердости духа, которые приобретают особое значение в свете вечности.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: патриотизм, вера, дух, родина, русский характер, героизм.

GORLANOV G.E.,
Dr. Philolog. Sci., Professor
Penza State University

THE PROBLEM OF THE RUSSIAN CHARACTER IN THE WORKS BY M.Y. LERMONTOV

ABSTRACT. The article considers the problem of patriotism as a component of the character of Russian national archetype. The motives for freedom, solidarity, selflessness, spiritual hardness, which acquire particular importance in the light of eternity, are considered as the value dominants of the Russian world.

KEY WORDS: patriotism, faith, spirit, Motherland, Russian character, heroism.

В русском культурном архетипе есть такие ключевые понятия, как «родина», «государство», «патриотизм», «вера», «русский характер», «героизм», играющие роль национального объединяющего фактора. По отношению к ним можно судить о мировоззренческих позициях каждого отдельно взятого индивидуума: если у него есть неприязнь к родине, к тому месту, где он родился и живёт, то его нельзя отнести к русскому архетипу, даже если формально (по паспорту) он будет называться «русским». Сложнее обстоит дело с понятием «государство», которое по своему политическому устройству может не соответствовать взглядам индивида, и несогласные с политическим строем (инакомыслящие) часто покидают Родину.

Богатое наследие Лермонтова является не только литературным фактом. Значение его неизмеримо шире. Оно, как и наследие Пушкина, настолько прочно вошло в духовную культуру народа, что мыслится сейчас как её составная часть. Имеется в виду здесь не только влияние изобразительно-выразительных средств, но и гражданских мотивов, патриотических чувств, раздумий о судьбе Родины и ее истории, составляющих менталитет русского человека. Лермонтов всегда помнил, что он по родословной линии славянин, и в первую очередь россиянин, вобравший всю историю России. И в этой ипостаси он неизмеримо и великий, и мощный.

Понятие «патриот» полностью относится к Лермонтову. Об этом свидетельствует, например, стихотворение «Смерть поэта», разделившее его творческую биографию на временные эпохи: до 28 января 1837 года и после него. У В.П. Бурнашева, врачавшегося в военной среде, знавшего поэта, есть интересные записи со слов Синецина, учившегося с Лермонтовым в юнкерском училище. «Вспоминаемый случай произошёл после того, как стихи на смерть Пушкина распространились по столице. К автору стихов зашёл родственник Н(иколай) А(ркадьевич) С(толыпин), дипломат, служивший

под начальством влиятельнейшего графа Нессельроде, пренебрежительно отзывавшийся о стихах Пушкина» и превозносящий «благородство» Дантеса, «который, как всякий благородный человек, после всего того, что было между ними, не мог бы не стреляться. Честь обязывает (сказано по-французски – Г.Г.). Лермонтов сказал на это, что русский человек, конечно чистый русский, а не офранцузенный и испорченный, какую бы обиду Пушкин ему ни сделал, съёс бы её во имя любви своей к славе России и никогда не поднял бы на этого великого представителя всей интеллектуальности России своей руки...» [1, с. 138].

«И вы не смаете всей вашей чёрной кровью!» – как уверенно и смело звучит. Так публицистически гневно и пророчески он ещё никогда не писал. Никто так ещё не писал! В тот вечер он впервые почувствовал себя гражданином, гражданином великой России, в которой произошло дикое зло: иностранец убивает не просто русского человека, а одного из лучших сынов Отечества. Убил и не понёс никакого наказания. Как такое стерпеть? Как было бы справедливо, если бы так же патриотически размышлял царь и его чиновная свита! Ан, нет, Николай I, в крови которого оставалось совсем совсем мало русского, размышлял иначе. Виновным остался Лермонтов, зато на Руси появился достойный преемник Пушкину, по-настоящему русский человек с большой буквой, сродни Минину и Пожарскому по силе национального самовыражения.

Позиция истинного националиста помогла Лермонтову понять подлинный смысл убийства русского поэта и откликнуться гневными строчками в адрес тех, кто поддерживал костёр интриг. Осознавал он опасность со стороны царёвых слуг (конечно же!), но пошёл на такой мужественный шаг, чувствуя себя гражданином Отечества. Может быть, покажется неуместным употребление в рассуждениях слова «националист». Здесь же его введение в текст

совершенно сознательно, исходит оно из понятия «русской идеи» И.А. Ильина.

Обучавшийся в училище правоведения В.В. Стасов вспоминал о событиях января-февраля 1837 года: «...спустя несколько месяцев после моего поступления в училище Пушкин убит был на дуэли. Это было тогда событие, взволновавшее весь Петербург, даже и наше училище; разговорам и сожалениям не было конца, а проникшее к нам тотчас же, как и всюду, тайком, в рукописи, стихотворение Лермонтова "На смерть Пушкина" глубоко взволновало нас, и мы читали и декламировали его с беспредельным жаром в антрактах между классами. Хотя мы хорошенько и не знали, да и узнать-то не от кого было, про кого это речь шла в строфе:

А вы, толпою жадною стоящие у трона... и т.д., но всё-таки мы волновались, приходили на кого-то в глубокое негодование, пылали от всей души, наполненной героическим воодушевлением, готовы, пожалуй, на что угодно, – так нас подымала сила лермонтовских стихов, так заразителен был жар, пламеневший в этих стихах. Вряд ли когда-нибудь ещё в России стихи производили такое громадное и повсеместное впечатление» [2, с. 410–411].

Процитировано восприятие стихотворения Лермонтова русским по духу и по крови человеком, оценившим их, скорее, сердцем, чем умом. Позднее, может быть, и не без воздействия этого смелого воззвания он станет известным в стране искусствоведом, отстаивавшим самобытное русское национальное искусство.

Поскольку речь зашла о генах, следует обратить внимание на следующее. Чтобы любить Отчизну, Малую или Большую, необязательно иметь только славянскую родословную. Уместно в этой связи напомнить о сложном многовековом историческом пути России, повлиявшем на генетическую родословную жителей огромной страны. А многие из них издревле жили на территории под общим названием Россия. Разве Д.И. Фонвизин, М.Н. Загоскин, А.С. Пушкин, Аксаковы, те же М.Ю. Лермонтов, А.А. Блок, А.И. Куприн, В.О. Ключевский и другие, в числе предков которых встречались не только русские, не были патриотами? Были, конечно! Дело всё-таки в другом. Это другое скрывается не в процентах крови, а в духовности и в общей русской идее, сплачивающей людей воедино, в общий патриотический порыв. И татары, и мордовцы, и немцы, и евреи... имеют патриотические чувства. Эту истину они доказывали ни раз, отстаивая в боях свободу своей Отчизны. Все мы вправе называть Россию, в которой все вместе живём, своей большой Родиной.

Чувство Родины помогает Лермонтову оставаться в литературе при всей его противоречивости цельным и до конца последовательным. Такое чувство может быть определяющим. «У собратьев моих нет чувства родины во всём широком смысле этого слова, поэтому у них так и несогласованно всё. Поэтому они так и любят тот диссонанс, который впитали в себя с удушливыми порами шутовского кривляния ради самого кривляния... Они ничему не молятся, и нравятся им только одно пустое акробатничество, в котором они делают очень много головокружительных прыжков, но которые есть ни больше, ни меньше, как ни на что не направленные выверты», – так писал русский национальный поэт Сергей Есенин по поводу «безродных» сотоварищей-имажинистов в статье «Быт и искусство» [3,

с. 163]. Есенин осуждал как приспособленцев, пытающихся называть себя русскими, так и циничных космополитов, хотя такая прямота очень дорого обходилась ему. Есенинская прямота, как и прямота Лермонтова, опять-таки характерна для русского человека. Муза Лермонтова имела на Есенина, крестьянина по происхождению, как и на Блока-интеллигента, решающее влияние. Дворянина Лермонтова и крестьянина Есенина объединяет идея духовного национального самосознания, тот генотип, который формировался в русском человеке многие века. У первого – «Люблю отчизну я, но странною любовью», у второго – «Но люблю тебя, родина кроткая! // А за что – разгадать не могу» [4, с. 29].

Откуда берётся у писателей чувство Родины? Сыном Отечества, гражданином человек становится, когда осознает принадлежность к Родине, когда живёт в нём песня матери (в данном случае запомнившаяся Лермонтову песнь Марии Михайловны) из далёкого детства, вечерняя звезда над крышей родимого дома, туманы над лугами и прудами (поэт вдохновенно поэтизировал их), щебет птиц в кронах деревьев и густых кустарников.

Задолго до написания «Родины» (вторая половина 1834 года) в «Панораме Москвы» 20-летний юнкер лейб гвардии Гусарского полка Лермонтов выделяет исторические памятники русской культуры, сыгравшие важную роль в становлении Российской державы. Публицист обращает внимание на те исторические памятники русской культуры, которые сыграли важнейшую роль в отстаивании национальной независимости и становлении российской государственности. Это и памятники Минину и Пожарскому, и знаменитые купола церкви Василия Блаженного – собора на Красной Площади, выстроенного русскими мастерами Посником и Бармой по указу Ивана IV в память его исторической победы над Казанью, «семидесяти пределам которой дивятся все иностранцы». Автор сочинения гордится своим Отечеством, подвижническими делами предков. Всякий раз при встрече с Кремлёвскими башнями вспоминаешь его чудесные строки:

*Москва, Москва! Люблю тебя, как сын,
Как русский, – сильно, пламенно и нежно!
Люблю священный блеск твоих седин
И этот Кремль зубчатый, безмятежный... [5,
т. 11, с. 395].*

Да, именно так, как он, «как русский, – сильно, пламенно и нежно!», можно и должно любить столицу нашу, символизирующую Родину – Россию. «Сильно, пламенно и нежно», – это ещё одно расширяющее дополнение к определению русской онтологической идеи И.А. Ильина.

Магистральную тему любви к Отчизне Лермонтов сочетал и с другими вечными темами в поэзии, без которых народ не будет счастливым и которые диктовались ему русским национальным самосознанием. Поэта XIX столетия слово интересовало как материал искусства, с помощью которого он может выразить свои взгляды на государственное устройство, на улучшение жизни человека и общества в целом. Именно в нём ему суждено исследовать многочисленные проблемы литературы и искусства, пытаться понять состояние русской души в разнообразных жизненных проявлениях, чтоб «стих, как божий дух, носился над толпой».

*И отзыв мыслей благородных,
Звучал, как колокол на башне вечевой
Во дни торжеств и бед народных [5, т. 1,
с. 49].*

Такое сравнение звучания мыслей благородных с «колоколом на башне вечевой» мог сотворить только русский человек, генетика которого начинается с эпохи «вольного Новгорода» с его вечевыми колоколами.

Михаил Юрьевич был воспитан на идеях патриотизма ещё со времён жизни на малой Родине (в Тарханах), затем – в благородном пансионе и военном училище; он унаследовал эти чувства с генами своих родителей. По долгу службы и по велению властей поэт оказался на «кавказской войне» под пулями горцев. Можно ли было избежать участия в кровопролитных сражениях, тех роковых мгновений, когда он оказывался на волосок от смерти? В принципе: да! Возьми да заболей, посимулируй, как делают некоторые современные призывники. Только разве же он мог отсиживаться в тепле и в стороне от боевых действий? Нет, конечно, он принимал участие в опасных походах.

Своему товарищу, Алексею Лопухину, Лермонтов писал из Пятигорска 12 сентября 1840 года: «У нас были каждый день дела, и одно довольно жаркое, которое продолжалось 6 часов сряду. Нас было всего 2000 пехоты, а их до 6 тысяч; и всё время дрались штыками. У нас убило 30 офицеров и до 300 рядовых, а их 600 тел осталось на месте – кажется, хорошо – вообрази себе, что в овраге, где была пехота, час после дела ещё пахло кровью...» [5, т. IV, с. 430]. В стихотворении «Валерик» Лермонтов блестяще, по-граждански правдиво передал накал этих боевых действий с чеченцами, хотя, естественно, цифры там отсутствовали.

Стихотворение «Родина» начинается в полемическом задоре, который открывает сам автор. Объяснение полемичности некоторые исследователи объясняли просто: дескать, Лермонтова кто-то упрекнул в равнодушии к Отчизне. Так могли сказать только те, кто не знает характера этого человека. Такую точку зрения совершенно справедливо отвергла Эмма Григорьевна Герштейн, авторитетный исследователь, прекрасно знающий биографию поэта: «Предположение невероятное, – считает она, – потому что Лермонтов был ярко выраженным патриотом. Скорее, его можно было бы упрекнуть в некотором налёте шовинизма, иногда проглядывавшем в его творчестве и личном поведении» [6, с. 478].

Слово «шовинизм» – нехорошее слово. В новейшем «Современном толковом словаре русского языка» оно трактуется как «крайний национализм, проповедующий национальную и расовую исключительность, разжигающий ненависть и презрение к другим нациям и народностям». Думается, Э.Г. Герштейн понятие «шовинизм» использовала не в таком смысле. Националистом, в лучшем смысле этого слова, Лермонтов был как человек, любящий свою Родину, готовый ради её свободы и процветания на определённые личные жертвы. Заостряем внимание на этом вопросе потому, что в последние годы слово «национализм» в нашей стране приобретает только негативные оттенки.

Даже «некоторого налёта шовинизма» (Э.Г. Герштейн) у Лермонтова ни в творчестве, ни в жизни не было. Он, выразивший характерные осо-

бенности своего творческого «я», с чувством глубочайшего уважения относился ко всем нациям. Чтобы уяснить суть проблемы, необходимо разобраться в понятиях: *национализм, шовинизм, фашизм*.

Что такое **национализм**? Это любовь к своему народу с учётом его прошлой и настоящей жизни. Если же национализм допускает при всей любви к своей Родине ненависть к другим нациям, то такое явление носит название шовинизма.

Шовинизм – крайняя степень проявления национализма. Когда подвергаются физическому уничтожению другие нации и народности во имя торжества своих националистических чувств – это уже *фашизм*. Примерами в данном случае могут быть гитлеровские оккупанты в 1941–1945 годов и оголтелый фашизм украинских (бандеровских) бандитов в 2014 году, устроивших геноцид населения областей Донбасса и Луганска.

Для Лермонтова «человеческое» было бы понятием абстрактным без национального осмысления. По этой причине он негодовал, если русские люди отказывались от своего национального, присущего только им, русским. Наблюдение за такими офицерами на Кавказе вынудило его выразить свою гражданскую позицию через печатное слово в очерке «Кавказцы». Не исключено, что прямые высказывания при общении с «полурусскими кавказцами» приводили Лермонтова к ссорам с ними.

Для Лермонтова «кавказцы» оказываются жалкими из-за их невнимания к национальному вопросу, из-за незнания русских традиций, из-за бездумного пристрастия к другой национальной культуре. Не получив соответствующего культурного образования, русский армейский офицер среднего звена, кавказец, «полюбил жизнь простую и дикую»; не зная истории России и европейской политики, он пристрастился к поэтическим преданиям народа воинственного. Он понял вполне нравы и обычаи горцев, узнал по именам их богатей, запомнил родословные главных семейств. Знает, какой князь надёжный и какой плут; кто с кем в дружбе и между кем и кем есть кровь...» [5, т. 4, с. 138].

Можно подумать, что у русских не было и нет своих героев и исторических традиций. В военных училищах (автор «Кавказца» знает это по собственному опыту) основное внимание уделяют маршировке и военной тактике и не учат в должной мере героической русской истории. Хорошо ещё, если есть врождённое чувство патриотизма, воспитанное на семейных традициях. А «не зная истории России», можно раствориться не только в восточной, но и в западноевропейской цивилизации. В «Петербургской газете» было любопытное сообщение журналиста: «Нужно сказать, что Лермонтов всегда посмеивался над теми из русских, которые старались подражать во всем кавказцам: брили себе головы, носили их костюмы, перенимали ухватки; последних в насмешку называл он *l'armee russe*» [7, с. 4].

Принимая во внимание слова Кузьминского насчет бритой головы, костюмов и замашки невыдуманного «кавказца» с жадной прихвастнуть, вспоминаются описания облика Н.С. Мартынова, смахивающего на такого «кавказца». Работа над статьей о дуэли Лермонтова «Дуэль и смерть Лермонтова в откликах современников», Н.Л. Бродский приводит сведения Н. Любомирского по поводу внешности Мартынова. «Он носил азиатский костюм, за поясом пистолет, через плечо на земле

плеть, прическу "ala мужик" и французские бакенбарды с козлиным подбородком». Данное описание подтверждает портрет работы Г.Г. Гагарина (1841), обнаруженный исследователем И.С. Зильберштейном, на котором «кавказец» изображен в черкеске и с большим кинжалом. В таком одеянии русский офицер (правда, к этому времени разжалованный) находился в злопамятный вечер 13-го июля 1841 года в доме Верзилиных. Физиологический очерк «Кавказец» прозрачно намекает на трагическую версию конфликта в доме Верзилиных. Националист Лермонтов, не терпевший никакой фальши, иронизировал по поводу костюма товарища:

*Скинъ беимет свой, друг Мартыш,
Распояшься, сбрось кинжал,
Взденъ броню, возьми бердыш
И блюди нас, как хозяин [5, т. 1, с. 546].*

Под «хожалым» понимаются полицейские, а бердыш – топор на древке. Или:

*Он прав! Наш друг Мартыш не Соломон,
Но Соломонов сын,
Но мудр, как царь Шалима, но умен,
Умней, чем жидуин [5, т. 1, с. 546].*

Может быть, Э.Г. Герштейн имела в виду эти шуточные строчки Лермонтова, когда писала о «некотором налете шовинизма»? Однако подобное мнение может быть заблуждением. Сами по себе национальности не при чем. Служивший в одном полку с М.И. Цейдлером (будущим мемуаристом и скульптором, по оригиналу Р.Н. Шведа написавшем портрет Лермонтова на смертном одре), А.И. Арнольди (позднее генерал от кавалерии и мемуарист) написал воспоминания о проводках Михаила Цейдлера в первых числах марта 1838 года на Кавказ. «Как и все мы, грешные, Лермонтов вел жизнь свою, участвуя во всех наших кутежах и шалостях, – писал А.И. Арнольди, – и я помню, как он в дыму табачном, при хлопании пробок, на проводках М.И. Цейдлера, отъезжавшего на Кавказ в экспедицию, написал известное:

*Русский немец белокурый
Едет в дальнюю страну,
Где неверные гяуры
Вновь затеяли войну.
Едет он, томим печалью,
На кровавый пир войны;
Но иной, не бранной сталью,
Мысли юноши полны.*

Где в словах "не бранной сталью" шутит над бедным Цейдлером, влюбленным по уши в С.Н. Сталь фон Гольштейн, жену нашего полковника» [8, с. 457–472]. У Арнольди имеются небольшие изменения в тексте: третья строчка читается следующим образом: « – Где косматые гяуры», а шестая строчка – «На могучий пир войны».

Многие не обратили бы внимание на национальность, но не Лермонтов. «Русский немец белокурый» для Лермонтова роднее «полурусского» кавказца. По этой причине он от души, по-русски, как было заведено во многих поколениях, радуется и переживает за друга. Здесь, на дружеском вечере, он и весел, и находчив, и доброжелателен. Здесь свои люди. В другой обстановке, с другими «полу-

русскими» людьми и он другой. Состояние души его меняется, как меняется день в зависимости от закрытия солнца тучами. Неизменными остаются лишь его патриотические настроения, свидетельствующие о цельности его богатой натуры, выражавшей определенный исторический момент развития русского общества.

В последние годы по многим высказываниям малосведующих литераторов-журналистов (художественные фильмы, телевизионные комментарии) создается мнение о дурном характере Лермонтова, виновного, якобы, в дуэли. Да, характер его не был ангельским, но в преимущественном большинстве случаев его прямота в высказываниях оказывалась обоснованной. Он всегда дорожил своей честью и дружбой, не подводил товарищей в бою и в беде, старался во всем быть справедливым, переживал за свои неверные поступки.

«Благородный Мишель» – безусловно, правильное определение, подтверждающее его поведение и на дуэли с Барантом, и в споре в салонном зале у графини Лаваль на Английской набережной в Петербурге. Кстати, барон Барант, сам являющийся националистом, обратился за комментарием к своему ближайшему знакомому А.И. Тургеневу: *не содержится ли в стихотворении «Смерть поэта», осуждающем Дантеса, выпадов против его любимой Франции*. Обращение его было вполне объяснимым: текст не опубликован, естественно, на французский язык не переводился, а известен был только на русском. Ответ Тургенева, видимо, его удовлетворил. А вот младший – Эрнест Барант, сын французского поэта, видя в Лермонтове продолжателя и защитника Пушкина, затаил злобу на русского поэта. Нужен был только повод, и он вскоре появился.

Э.Г. Герштейн, тщательно изучавшая историю дуэли, пришла к выводу, что *причина* её не в любовных интрижках, распространяемых в светских кругах, а в политике [6, с. 19]. Согласно показаниям Лермонтова, между дуэлянтами произошёл следующий диалог:

Барант. Правда ли, что в разговоре с известной особой вы говорили на мой счёт невыгодные вещи?

Лермонтов. Я никому не говорил о вас ничего предосудительного.

Барант. Всё-таки если переданные мне сплетни верны, то вы поступили весьма дурно.

Лермонтов. Выговоров и советов не принимаю и нахожу ваше поведение весьма смешным и дерзким.

Барант. Если бы я был в своём отечестве, то знал бы, как кончить это дело.

Лермонтов. В России следуют правилам чести так же строго, как и везде, и мы меньше других позволяем оскорблять себя безнаказанно.

Как здесь не вспомнить Н.С. Трубецкого, отмечавшего: «Отсутствие веры в себя ... является большим минусом в борьбе за существование. В частной жизни постоянно приходится наблюдать, как натуры несамонадежные, мало ценящие самих себя и привыкшие к самоунижению, проявляют в своём поведении нерешительность, недостаточную настойчивость, позволяют другим "наступать себе на ноги" и в конце концов подпадают под полную власть более решительных и самоуверенных, хотя зачастую и гораздо менее одарённых личностей. Совершенно таким же образом и в жизни народов нации малопатриотические, с неразвитым чувством на-

циональной гордости, всегда пасуют перед народами, обладающими сильным патриотизмом или национальным самосознанием» [9, с. 95]. Лермонтов, зная себе цену, никогда не пасовал перед противником.

Н.А. Бердяев, анализируя статью П.Б. Струве «Великая Россия», отмечает: «Англичане, немцы, французы, *все культурные европейцы-националисты*, у всех у них сильно не сознание своей общечеловеческой миссии в мировой истории, а национальное самолюбие и национальное хищничество...» Далее весьма любопытный и важный вопрос: «Можно ли желать, чтобы этот буржуазный национализм вошёл в плоть и кровь русского народа?» [10, с. 132]. Ответ дан после рассуждений об особой ответственной роли России. Она останется великой, пока будет оставаться посредником между Востоком и Западом, пока будет выполнять роль «соединителя божественного с человеческой культурой». «Принятие западной государственно-националистической идеологии сделало бы Россию второстепенной буржуазной страной, обесцветило бы и унизило бы её соборную личность» [10, с. 128]. Иными словами, ни в коем случае нельзя, чтобы «*буржуазный национализм вошёл в плоть и кровь русского народа*». На западе такой национализм пусть себе существует, а в России – не должен быть... Кое-кто очень боится русского национализма, ибо с ним связано русское самосознание и национальная гордость.

Такая философия, выдвигаемая в пользу недругов России, лишала и лишает русских патриотических чувств. Зачем им, коли у русского человека другая, общечеловеческая миссия, – отражать татарщину и спасать Европу и мировую культуру, «облившись кровью, пожертвовав своим культурным развитием» [10, с. 134]. Национализм, касающийся только русских, для Бердяева (и не только для него) ругательное слово. По-иному рассуждает И.А. Ильин: «Национализм созерцает свой народ перед лицом Божиим, созерцает его душу, его таланты, его недостатки, его историческую проблематику, его опасности и его соблазны» [11, с. 326].

Что касается разговоров о якобы второй дуэли, распространяемых мнимым секундантом Васильчиковым, то её, скорее всего, не было: *полурусский «кавказец» Николай Соломонович Мартынов*, трус по натуре, боялся на всё способного Лермонтова. Для вызова решимости хватило, а дуэли честной не было – убийство подлое произошло под Машуком [12; 13].

Оставаясь глубоко русским национальным писателем, Лермонтов с большим уважением относился к другим народам. Достаточно вспомнить название его стихотворений, не расходящихся с содержанием, чтобы судить о его интересах. Вот они: «Ветка Палестины», «Сон» («В полдневный жар в долине Дагестана...»), «Русская мелодия», «Еврейская мелодия», «Жалобы турка», «Черкешенка», «Грузинская песня», «Литвинка», «Плачь! Плачь! Израиль народ», «Прощанье» («Не уезжай, лезгинец молодой...») и другие. Чувства уважения к другим национальностям прослеживаются в таких крупных произведениях, как «Герой нашего времени», «Черкесы», «Аул Бастунджи», «Измаил-Бей», «Хаджи Абрек» и другие.

Выражаясь словами Ф.М. Достоевского, Лермонтов стал «братом всех людей». «Стать настоящим русским, стать вполне русским, – пишет Фёдор Михайлович, – может быть, и значит только (в конце концов, это подчеркните) стать братом всех людей, всечеловеком, если хотите... Для настоящего русского Европа и удел всего великого арийского племени так же дороги, как и сама Россия, как и удел своей родной земли, потому что наш удел и есть всемирность, и не мечом приобретённая, а силой братства и братского стремления нашего к воссоединению людей... О, народы Европы и не знают, как они нам дороги!..» [14, с. 458].

Возможно, Достоевский прежде чем вывести эту формулу, имел в виду Лермонтова-художника, в произведениях которого лучшие стороны характера русского народа выступают одновременно и как общечеловеческие качества.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Из воспоминаний В.П. Бурашова : ежедневник (15 сентября 1836 – 6 марта 1837 г.) // Русский архив, 1872.
2. Стасов В. Русское слово / В. Стасов. – 1882. – Кн. 2.
3. Есенин С.А. Собр. соч. : в 3 т. / С.А. Есенин. – М. : Правда, 1970. – Т. 3.
4. Есенин С.А. Собр. соч. : в 3 т. / С.А. Есенин. – М. : Правда, 1970. – Т. 2.
5. Лермонтов М.Ю. Собр. соч. : в 4 т. / М.Ю. Лермонтов. – М. : Худож. Литература, 1964. – Т. I–IV.
6. Герштейн Э.Г. Судьба Лермонтова / Э.Г. Герштейн. – М. : Советский писатель, 1964.
7. Кузьминский. Дуэль Лермонтова Лермонтова с Мартыновым / Кузьминский // Петербургская газета (13 июля 1887 г.). – СПб., 1887. – № 189.
8. Арнольди А.И. Записки / А.И. Арнольди // Литературное наследство. – М., 1952. – Т. 58.
9. Трубецкой Н.С. История. Культура. Язык / Н.С. Трубецкой. – М., 1995.
10. Бердяев Н.А. Духовный кризис интеллигенции / Н.А. Бердяев. – М., 1964.
11. Ильин И.А. Сочинения / И.А. Ильин. – М., 2000. – Кн. 1. – Т. 1.
12. Горланов Г.Е. Уготованная участь. Роман-исследование / Г.Е. Горланов. – Пенза, 2008.
13. Горланов Г.Е. Была ли дуэль? / Г.Е. Горланов // Сура: журнал современной литературы, культуры и общественной мысли (май–июнь). – Пенза, 2009. – № 3.
14. Достоевский Ф.М. Собр. соч. : в 30 т. / Ф.М. Достоевский. – Ленинград, 1991.